Пробрался, подался... Нет, никуда не пробрался в тот раз Толмачев, хотя и подался. В Нижнеудинске, как пишет он, его арестовали и переправили обратно в Новониколаевск.

Двадцатитрехлетний прапорщик, надо полагать, и в мыслях не держал, что спустя несколько десятилетий его дневник будет извлечен из архивных анналов «товарищами красными» и прочитан с большим вниманием, как читался он революционными следственными органами в те далекие годы. Писал он доверительно и несколько нелогично:

«В камере, рассчитанной на 75 человек, нас набили более двухсот. Это были лучшие сыны России, самые преданные ей офицеры. Я видел, как они грызлись меж собой из-за корки хлеба, как их, грязных и оборванных, грызли вши (какая тут логика! «Лучшие сыны» и вот так между собой из-за корки! — **А. Т.**)... Обсудив вопрос о бегстве вместе с коллегами, мы решили все разбежаться по разным сторонам, предпочитая лучше жить в лесах, чем в тюрьме, заранее зная, что оправдания быть не может».

Почему я листаю этот дневник? Что привлекло мое внимание?

Немалое значение имеет обостренное любопытство человека, который с малых лет стремится хоть краем глаза заглянуть в студеную зиму 1920 года, когда восставшие кулаки остервенело искололи вилами и бросили в колодец братьев моего отца тюменских коммунистов ветеринарного врача Андрея Трофимова и председателя Пятковской коммуны Николая Трофимова; заглянуть в ту зиму, когда ручьями лилась кровь сотен и тысяч других борцов за новую жизнь. Дневник колчаковского офицера Толмачева в какой-то степени позволял это сделать. Но была и другая цель.

Вернемся к дневнику и прочитаем еще несколько строк:

«Мне удалось бежать. В Новониколаевске перешел по льду Обь, на станции Кривощеково влез в товарный вагон и добрался до Барабинска, оттуда — в Омск, потом — в Тюмень. Выдавая себя то за спекулянта, то отпущенного по болезни красноармейца, я пробирался к себе домой в Топорковскую волость...»

Стоп! Запомним — Топорковская волость.

Теперь о второй, главной цели, которая толкнула меня порыться в архиве.

Мне нужны были материалы, касающиеся зарождения милиции на Урале: и той, что после Февральской революции сохраняла кадры царского режима, и той, которая родилась после завоеваний Октября, попутно и материалы о милиции, существовавшей при Колчаке.

Собирая материал, я наткнулся вначале на дневник колчаковца Василия Толмачева, а затем на небольшую корреспонденцию под названием «Страничка скорби», опубликованную в газете «Уральский рабочий» 28 июля 1920 года.

«9 июля в Алапаевске состоялись торжественные похоро-

ны начальника милиции 3-го района Е. И. Рудакова и его жены, зверски убитых скрывающимися в лесу бандитами.

Тов. Рудаков и его жена были схвачены по дороге к деревне, куда Рудаков ехал к месту службы. И только через несколько дней их трупы были найдены в страшно изуродованном виде. Некоторые части тела были совершенно отсечены сабельными ударами...»

Третий район... Листаю справочник: третий район[1] милиции Алапаевского уезда обслуживал Топорковскую волость.

Белогвардеец, пробирающийся в Топорковскую волость, и начальник милиции, убитый в этой волости...

Прежде всего хотелось разыскать личное дело Е. И. Рудакова, но, увы, его не было, зато в мои руки попал не менее ценный документ — рапорт начальника Екатеринбургской губернской милиции Петра Григорьевича Савотина:

«22 июня Рудаков Евгений Иванович приехал из района, который находится в Топорковской волости, в Алапаевск за получением инструкций, жалованья для третьего района и за женой. 24 июня 1920 года Рудаков выехал из Алапаевска в свой район. В 12 верстах от Верхней Синячихи он попал в засаду...»

Не пересеклись ли пути начальника милиции Топорковской волости коммуниста Евгения Ивановича Рудакова и уроженца этой волости колчаковского офицера Василия Толмачева? Там, в двенадцати верстах от Верхней Синячихи?

Прочитаем еще несколько строк из дневника прапорщика:

«В Туринске пришлось задержаться. Здесь я встретил капитана Тюнина Михаила Евгеньевича, под началом которого служил в Челябинске. Он говорил мне: «По лесам да хуторам скрываются сотни таких, коим Советская власть на мозоль наступила. Подбодрить, объединить в отряды, вооружить программой действий. Начать с малого: бить исподтишка комиссаров да комитетчиков, нагонять страху на других, а придет время — подняться всей неоглядной силой да так тряхнуть мужицкую власть, чтобы вся Россия застонала...»

Я представляю себе этот разговор в избе на окраине Туринска. Низкий потолок, керосиновая лампа, за жарко натопленной печкой шебаршат тараканы. Когда Тюнин поднимается и, прихрамывая, начинает расхаживать по неровным половицам, тень его, ломаясь в простенках, мрачно мечется. Его осевший голос, блеск пенсне, эта уродливая тень возбуждающе действуют на Толмачева, и он слышит гул лихих эскадронов, беспощадный свист своей офицерской шашки...

О кое-каких наставлениях Михаила Тюнина прапорщик Толмачев рассказывает в своем дневнике. В частности, Тю-

---

[1] В тот период аппарат милиции, согласно разработке П. Г. Савотина, представлял следующее: в центре — губернское управление, на местах — уездно-городские управления, которые, в свою очередь, были разбиты на районы, а каждый район — на 4 участка.

деле»,— подумал Алексей. Но оказалось, документы в полном порядке. Речь шла о другом:

— Ты ведь в кавалерии служил?

— В кавалерии,— гордо ответил Алексей.

— Укомплектовывается кавалерийский дивизион свердловской милиции. Как, согласен?..

— Стать милиционером?

— Да, милиционером.

— Надо побывать в дивизионе,— неуверенно произнес Алексей.— Посмотреть... Потом подумать...

— Особенно думать времени нет.

— А до завтра можно?

— До завтра можно... В общем, горком тебя рекомендует...

В двадцатые годы конную милицию называли просто конным резервом. А в тридцатые стали формировать дивизионы, эскадроны — по принципу армейских кавалерийских частей. И служба милиционеров-конников приближалась к армейской.

Стремительно росло население промышленного города. Сосредоточение множества людей притягивало и разных проходимцев. Выступая на XII Уральской областной партконференции, делегат Уралмаша Владимиров говорил:

— В ноябре — декабре на Уралмашзаводе было семьдесят восемь случаев хулиганства, в результате которого люди обращались в поликлинику. В тринадцати случаях делали операции пострадавшим. Несколько дней назад изрезали председателя райпрофсовета, не так давно убили повара. Как вы думаете, это отражается на закреплении кадров, на освоении завода? По моему мнению, отражается, и отражается катастрофически... Имеем ли мы право игнорировать этот факт, можем ли мы сказать, что это дело второстепенное?..

Второстепенным это дело, конечно, не было. Чтобы навести порядок, милиция неустанно совершенствовала организацию наружной и постовой службы. В 1932 году в Свердловске действовало уже шестьдесят милицейских постов. По городу и прилегающим районам в вечернее и ночное время патрулировали конные пикеты по специально разработанному плану.

«Этот способ охраны общественного порядка,— говорилось в одном из тогдашних докладов начальника управления милиции,— один из лучших, чтоб не только обнаружить преступление и нарушение, но и предупредить их. А это основная обязанность органов милиции».

И конная милиция в ту пору стала значительной и весьма маневренной силой. Ведь в окружных, городских и районных управлениях имелось всего лишь пять стареньких автомобилей, два мотоцикла и тридцать четыре велосипеда. При тогдашних дорогах, особенно в распутицу, у конников были большие преимущества: для коня преграды нет.

В Свердловске конная милиция, носившая официальное

название 9-го отдельного кавалерийского дивизиона, базировалась со своими конюшнями на улице Детский городок. Ныне это улица Чапаева, и там находится автоинспекция.

Вот в этот-то дивизион и подал заявление Кулик Алексей Алексеевич: «...В настоящем прошу рассмотреть мое заявление и принять меня на службу в кавалерийский дивизион РК милиции гор. Свердловска, так как я желаю служить в органах милиции. Обязуюсь честно и добросовестно относиться к порученной мне работе. Служил в Красной Армии в кавалерийских частях».

Командир дивизиона Григорий Иванович Здановский расспросил Алексея о прежней жизни, об армейской службе. На серой форменной гимнастерке командира — орден Красного Знамени (воевал с белогвардейцами в составе Первой конной Буденного), сбоку, на ремне, — кобура с наганом. Беседовали недолго. Два кавалериста, они по достоинству оценили друг друга.

Вскоре пришел Чистяков, командир взвода, и Здановский представил ему нового милиционера... В тот же день Алексей Кулик получил обмундирование, винтовку, шашку, седло. Закрепили за ним рыженького коня по кличке Буравчик. Поселили в общежитии дивизиона.

В годы становления Советской власти бывало, что принятого в милицию направляли сразу на пост. Теперь человек проходил учебную подготовку. Правда, зачеты «по лошади» и «по вооружению» у Алексея приняли сразу. А вот специальными милицейскими знаниями пришлось овладевать. И заниматься помногу.

Почти все в дивизионе до милиции отслужили в кавалерийских частях Красной Армии. Поэтому каждому было ясно, что от ухода за лошадью зависело и ее поведение во время строевой и патрульной службы. Чуть ли не у каждого в «личном деле» были благодарности от командиров «за отличную чистоту коня», «за отличный уход за конем». За лошадьми наблюдал прикрепленный к дивизиону ветеринарный врач.

Здановский не успевал повторять:

— Конь любит ласку, любит уход. Вовремя не расчистишь ему копыта — выйдет из строя. Плохо седло положишь — спину собьешь. Если коня не любишь — ты не кавалерист!..

И в конюшнях был полный порядок. Над каждым просторным стойлом с затвором, где лошади стояли без привязи, висела табличка, на ней указывалась кличка, порода, год рождения, рост. Лошади, вычищенные до блеска, фыркали в теплом полумраке. Рядом — тщательно уложенное снаряжение.

Главным делом конной милиции была регулярная патрульно-постовая служба. Каждый вечер дежурный по дивизиону собирал очередные наряды, кратко инструктировал. Затем наряды разъезжались по районным отделениям милиции.